

ЦЕРКОВНЫЙ СУДЪ.

(Изъ лекцій покойнаго профессора Московскаго Университета,
А. С. Павлова).

§ 1. Правительственная власть церкви. Церковный судъ; двойной характеръ дѣлъ, подлежащихъ церковной юрисдикци. Правительственная власть церкви, въ сферѣ ея собственнаго полномочія, которое она получила отъ своего Божественнаго Основателя, проявляется въ такихъ же функціяхъ, какъ и правительственная власть въ государствахъ, именно: 1) какъ власть учредительная или законодательная и 2) какъ власть исполнительная, съ ея необходимыми подраздѣленіями: административная и судебная. О церковномъ законодательствѣ, его характерѣ и предметѣ мы говорили въ ученіи объ источникахъ церковнаго права; органы законодательной власти въ церкви разсмотрѣны нами въ ученіи о церковномъ устройствѣ; тамъ же указаны нами органы и главнѣйшія функціи административной церковной власти. Такимъ образомъ, намъ остается теперь специально разсмотрѣть только одинъ видъ правительственной власти въ церкви—власть *судебную*.

Съ понятіемъ о церкви, какъ самостоятельномъ общественномъ организмѣ, отличномъ отъ государства, неразрывно соединено понятіе о принадлежащей ей власти управлять своими внутренними дѣлами, разрѣшать относящіеся къ нимъ спорные случаи — на основаніи своихъ собственныхъ законовъ и правилъ, судить своихъ членовъ за нарушеніе этихъ правилъ и законовъ и свои приговоры приводить въ исполненіе собственными средствами. Словомъ: церковь въ своей *сферѣ* имѣетъ право суда, которому подлежитъ опредѣлен-

ный кругъ лицъ и дѣлъ и въ которомъ она исключительно компетентна. Впрочемъ, какъ объемъ предметовъ церковнаго суда, такъ и компетентность церкви въ ихъ обсужденіи, зависятъ отъ отношеній церкви къ государству. Поэтому, чтобы понять настоящее состояніе церковнаго суда, нужно бросить взглядъ на его историческое развитіе, и при этомъ не опускать изъ вида различія церковной юрисдикціи по дѣламъ *спорнымъ* или *тяжебнымъ* и по дѣламъ *о преступленіяхъ*.

1. Церковный судъ по дѣламъ тяжбымъ

(jurisdictio contentiosa).

§ 2. *Историческій очеркъ церковной юрисдикціи по дѣламъ чисто-гражданскимъ и тяжбымъ.* Къ первой категоріи дѣлъ, имѣющихъ аналогію съ *гражданскими*, относятся всѣ тѣ, которыя возникаютъ изъ пользованія чисто-церковными правами, насколько права эти могутъ сдѣлаться предметомъ юридическаго спора. Таковы, напримѣръ, спорные вопросы о таинствахъ (о дѣйствительности крещенія, рукоположенія, брака), о пользованіи церковными имуществами; о пространствѣ іерархической юрисдикціи въ церкви (греко-болгарскій споръ) и пр. Вопросъ о томъ, насколько рѣшенія церковнаго суда по дѣламъ этого рода имѣютъ юридическое дѣйствіе въ области чисто-гражданскаго права, есть вопросъ положительнаго права, разрѣшаемый здѣсь различно, смотря по существующимъ отношеніямъ между церковію и государствомъ.

Что касается до дѣлъ чисто-гражданскихъ, то они, по существу своему, не подлежатъ суду церкви. Вспомнимъ отвѣтъ Спасителя одному человѣку, который просилъ Его разсудить споръ съ своимъ братомъ о наслѣдствѣ: „*человѣче, кто мя постави судію или дѣлителя надъ вами*“, отвѣчалъ Христосъ на эту просьбу (Лук. 12, 13, 14). Вообще Основатель нашей религіи, который проповѣдывалъ только любовь, кротость, миръ, не могъ одобрительно смотрѣть на тяжбы между своими послѣдователями. Но такъ какъ этотъ божественный духъ христіанства слишкомъ возвышается надъ естественными свойствами человѣческой природы и человѣческихъ отношеній, то Спаситель указалъ и средства

къ прекращенію тяжбы между своими послѣдователями. Эти средства состояли въ разборѣ дѣла сначала между самими тяжущимися, потомъ—въ присутствіи двухъ или трехъ свидѣтелей, наконецъ—въ перенесеніи спора на судъ всей церковной общины, которая, въ случаѣ безуспѣшности своихъ увѣщаній, обращенныхъ къ обидчику, исключала его изъ своей среды, какъ язычника (Мѡ. 18, 15). Это наставленіе, которое, очевидно, есть болѣе совѣтъ, чѣмъ прямое предписаніе, особенно въ отношеніи къ дѣламъ гражданскимъ, въ первыя три столѣтія христіанства вошло, однакожъ, во всеобщій обычай церкви. Уже Апостолъ Павелъ предостерегаетъ коринѣскихъ христіанъ, чтобы они съ своими житейскими тяжбами не обращались къ языческимъ судьямъ, а избирали изъ среды своей мудраго мужа, который бы разсудилъ дѣло (1 Кор. 6, 1 и сл.). Этотъ совѣтъ мотивированъ былъ такими соображеніями, которыя, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, имѣли для христіанъ рѣшающую важность. Являясь съ своими тяжбами въ общіе (языческіе) суды, христіане роняли бы въ глазахъ язычниковъ нравственное достоинство своей религіи, которая объявляла себя религіею любви и всепрощенія; съ другой стороны, римское судопроизводство соединялось съ нѣкоторыми религіозными обрядами (напримѣръ — воскуреніемъ ѳиміама богинѣ правосудія), исполненіе которыхъ естественно должно было возмущать христіанскую совѣсть. Эти побужденія были такъ сильны для христіанъ, что они стали смотрѣть на совѣтъ Апостола, какъ на обязательное предписаніе. Въ особенности *клирики* обязаны были приносить свои тяжбы на судъ своего епископа. Что же касается до мірянъ, то судъ епископа имѣлъ для нихъ преимущественно характеръ полюбовнаго разбирательства или *суда третейскаго*. Но если бы недовольная сторона рѣшилась, послѣ епископскаго приговора, искать своего права въ гражданскомъ языческомъ судѣ: то это было бы въ глазахъ древней церкви преступленіемъ, равнымъ кощунству или поруганію святыни. Такъ въ первыя три столѣтія христіанства, когда церковь стояла еще среди враждебнаго ей государства, развилась довольно обширная *audientia episcopalis*, имѣвшая характеръ не только посредническаго разбирательства, но и суда гражданского въ собственномъ смыслѣ этого слова. Въ извѣстныхъ уже намъ

Апостольскихъ Постановленіяхъ, памятникъ конца III вѣка, находится довольно полный образъ процедуры въ судахъ епископскихъ.

Съ эпохи Константина Великаго обычай христіанъ судиться у своихъ епископовъ получилъ государственную санкцію. Константинъ дозволилъ христіанамъ приносить свои тяжбы на третейскій судъ епископовъ даже и послѣ того, какъ искъ былъ уже вчиненъ въ судъ гражданскомъ, если только обѣ стороны соглашались, до судейскаго приговора, перенести дѣло на рѣшеніе епископа. Но въ позднѣйшемъ постановленіи того же императора приведенный законъ отмѣненъ въ томъ отношеніи, что *каждой* сторонѣ предоставлено, даже безъ согласія другой, переносить дѣло на судъ епископа, приговоръ котораго и въ такомъ случаѣ признанъ окончательнымъ. Это постановление не только переступало границы компромисса, который предполагаетъ обоюдное согласіе сторонъ, но и обременяло епископовъ множествомъ дѣлъ, чуждыхъ ихъ званію. Неудивительно, поэтому, если позднѣйшіе императоры, не раздѣляя излишней ревности Константина В. въ расширеніи судебныхъ правъ церкви, снова обусловили компетенцію епископскаго суда въ рѣшеніи гражданскихъ дѣлъ *обоюднымъ* согласіемъ сторонъ и только подъ этимъ необходимымъ условіемъ признали епископскій приговоръ не подлежащимъ апелляціи.

Независимо отъ этого полюбовнаго разбирательства епископовъ, которое могло имѣть мѣсто и силу только по обоюдному согласію сторонъ, нѣкоторыя дѣла суда гражданского *по самому закону* предоставлены были рѣшенію духовной власти или исключительно, или совмѣстно съ свѣтскою властію. *Исключительно* епископскому суду подлежали: 1) *гражданскія* тяжбы между клириками, когда т. е. и отвѣтчикъ и истецъ были лица духовныя. Такъ постановилъ, между прочимъ, халкидонскій, IV вселенскій соборъ (пр. 9), опредѣленія котораго утверждены были императоромъ Маркіаномъ, вслѣдствіе чего они получили значеніе государственныхъ законовъ. Государство должно было признать исключительную компетентность епископскихъ судовъ въ гражданскихъ дѣлахъ духовенства, какъ результатъ безусловнаго подчиненія клириковъ своимъ епископамъ, епископовъ — соборамъ. Отъ этой чисто-гражданской юрисдикціи

епископовъ, основанной на одной только уступкѣ со стороны государства, была совершенно независима юрисдикція, которой подлежали—2) дѣла собственно *церковныя*, но имѣвшія *тяжебный* характеръ, т. е. дѣла только аналогическія дѣламъ гражданскимъ, куда относились споры между епископами о правахъ церковнаго управленія (напримѣръ, о принадлежности извѣстной христіанской общины къ той или другой епархіи и т. п.) и споры между клириками о пользованіи *церковными* имуществами и доходами. Юрисдикція по этимъ дѣламъ всегда принадлежала только церкви, что нѣсколько разъ подтверждаемо было и законами византійскихъ императоровъ.—Совмѣстно или въ конкуренціи съ гражданскимъ судомъ духовная власть судила, во 1-хъ, *тяжбы клириковъ съ мірянами*. До Юстиніана мірянинъ могъ начать искъ противъ клирика или у свѣтскаго судьи или у епископа. Но Юстиніанъ окончательно установилъ для клириковъ *privilegium fori*, т. е. право отвѣчать только предъ своимъ епископомъ. Впрочемъ, если та или другая сторона изъявляла, въ опредѣленный срокъ, неудовольствіе на рѣшеніе епископа, то дѣло переносилось на судъ мѣстнаго гражданскаго магистрата. Если гражданскій судья соглашался съ рѣшеніемъ епископа: то онъ долженъ былъ привести его въ исполненіе, послѣ чего дѣло не могло уже подлежать новому пересмотру. Въ случаѣ же несогласія гражданскаго суда съ епископскимъ, допускалась апелляція и новый пересмотръ дѣла уже въ высшихъ церковныхъ инстанціяхъ (у митрополита, патріарха, на соборѣ). Во 2-хъ, къ дѣламъ смѣшанной, церковной и гражданской подсудности относились въ византійской имперіи *дѣла брачныя*. Такъ, напримѣръ, духовные суды рѣшали вопросы о дѣйствительности браковъ, заключенныхъ вопреки церковнымъ канонамъ. Но брачныя дѣла подлежали и суду свѣтской власти, если заключеніе или расторгненіе сговора или брака соединено было съ нарушеніемъ гражданскихъ законовъ; преимущественно же свѣтскому суду принадлежало опредѣлять гражданскія послѣдствія сговора и брака, незаконно заключенныхъ или расторгнутыхъ.

§ 3. Церковный судъ по гражданскимъ дѣламъ въ Россіи. Еще обширнѣе была гражданская юрисдикція русской церкви, опредѣленная первоначально, на основаніи греческаго канона,

церковными уставами Владиміра и Ярослава. По этимъ уставамъ всѣ отношенія гражданской жизни, въ которыхъ такъ или иначе обнаруживалось дѣйствіе религіи, или которыя имѣли болѣе нравственный, нежели юридическій характеръ, отнесены къ области суда церковнаго. Такъ какъ христіанство и церковь, при своемъ водвореніи на Руси, застали здѣсь еще довольно слабыя зачатки гражданственности, то нѣтъ ничего удивительнаго, если духовная іерархія, пришедшая къ намъ изъ высоко-цивилизованной Греціи, получила въ свое судебное вѣдомство очень много такихъ гражданскихъ дѣлъ, какія вовсе не были подсудны ей въ своемъ отечествѣ. Мы ограничимся здѣсь только краткимъ исчисленіемъ этихъ дѣлъ или, какъ выражаются наши источники, судовъ церковныхъ. Сюда относятся:

1) *Дѣла союза супружескаго.* Если значительная часть этихъ дѣлъ, какъ мы видѣли, вѣдалась церковнымъ судомъ и въ византійской имперіи, то у насъ церковь естественно должна была получить въ свое исключительное вѣдѣніе весь брачный институтъ, находившійся еще на очень низкой степени развитія. Нужно было провести въ народное сознаніе и въ самую жизнь христіанское понятіе о бракѣ, уничтожить многоженство, браки насильственные, кровосмѣсные, произвольные разводы и т. под. Все это было представлено церковному вѣдомству уставами Владиміра и Ярослава.

2) *Дѣла союза родителей и дѣтей.* Церковь вѣдала эти дѣла по ихъ связи съ дѣлами союза супружескаго. „Сила этого союза, по мѣткому замѣчанію Неволіна, раскрывается не въ немъ самомъ, а въ другомъ союзѣ, который изъ него вытекаетъ, въ союзѣ родителей и дѣтей“. Здѣсь церковь судила и злоупотребленіе власти съ одной стороны, и непризнаніе естественныхъ и законныхъ правъ этой власти — съ другой. Родителямъ церковь не позволяла обращаться съ дѣтьми, какъ съ слугами, брала—напримѣръ—ихъ личность подъ свое покровительство въ такомъ дѣлѣ, какъ вступленіе въ бракъ, объявляла, по ихъ жалобѣ, бракъ, заключенный противъ ихъ воли, недѣйствительнымъ и на виновниковъ такого брака обращала строгость своихъ законовъ. Такъ уже въ уставѣ Ярослава находимъ постановленіе: „Аще дѣвка не всхощетъ за мужъ, а отецъ и мати си-

лою дадутъ, а что сотворитъ надъ собою, отецъ и мати епископу въ винѣ; также и отрокъ“. Такимъ же образомъ поступала церковь по отношенію къ родителямъ и въ случаяхъ принужденія ими дѣтей къ постриженію въ монашество. Вообще она входила въ разсмотрѣніе и всякихъ другихъ злоупотребленій родительской власти. Съ тѣмъ вмѣстѣ церковь отстаивала и права этой власти надъ дѣтьми, давая чувствовать силу своего суда дѣтямъ непокорнымъ, непочтительнымъ, своевольнымъ. При посредствѣ церкви устанавливался союзъ родителей и дѣтей и между лицами, не связанными одно съ другимъ естественнымъ фактомъ рожденія. Усыновленіе чужихъ дѣтей совершалось у насъ въ древности религіознымъ актомъ и утверждалось высшею духовною властью. Древнѣйшее свидѣтельство объ этомъ находимъ въ грамотѣ м-та Кипріяна объ усыновленіи вдовою приемыша съ признаніемъ за этимъ послѣднимъ всѣхъ правъ законнаго сына, т. е. и правъ наслѣдственныхъ.

3) *Дѣла по наслѣдству.* Древнѣйшее свидѣтельство о подсудности этихъ дѣлъ духовной власти находимъ въ словахъ церков. устава Владиміра: „аще братья или дѣти тяжются о задницѣ“. Затѣмъ рядъ свидѣтельствъ, начиная съ XIV в., идетъ непрерывно до временъ Петра В. Правда, большая часть этихъ свидѣтельствъ относится къ наслѣдству по завѣщанію, но несомнѣнно, что духовному суду подлежали дѣла и о наслѣдствѣ по закону. Принадлежность дѣлъ послѣдняго рода (т. е. о наслѣдованіи по закону) къ вѣдомству духовнаго суда необходимо допустить уже по связи ихъ съ дѣлами союза брачнаго. Предоставляя церкви рѣшать вопросъ о законности или незаконности браковъ, древнерусскій церковный уставъ тѣмъ самымъ отдавалъ на тотъ же судъ и вопросы о происхожденіи отъ законнаго или незаконнаго брака. Само собою понятно, что церковь могла признавать законными наслѣдниками умершаго только его законныхъ дѣтей или родственниковъ. А какъ въ древнія времена у насъ, по свидѣтельству источниковъ, весьма часты были примѣры браковъ, съ церковной точки зрѣнія незаконныхъ, каковы браки „невѣнчальные“, браки въ степеняхъ родства и свойства, запрещенныхъ церковными правилами, браки повторительные до четвертаго и далѣе, и т. п.,—то компетенція церковнаго суда по дѣламъ о наслѣдствѣ

по закону должна была установиться у насъ довольно рано и получить широкое развитіе. Само собою понятно, что наша древняя духовная іерархія въ рѣшеніи дѣлъ этого рода не могла руководствоваться исключительно греко-римскими законами, содержащимися въ номоканонѣ, но должна была принимать во вниманіе и мѣстные обычаи. Такимъ образомъ и незаконные дѣти или родственники умершаго должны были получать отъ церковнаго суда извѣстную долю наслѣдства, какъ они получали ее прежде отъ суда княжескаго въ качествѣ „робичей“ наслѣдооставителя. Припомнимъ примѣръ рѣшенія подобнаго дѣла въ XII вѣкѣ новгородскимъ княземъ Святославомъ, который, однакъ, на будущее время отказался принимать такіа дѣла на свой судъ, а предоставилъ рѣшать ихъ епископу на основаніи намоканона. Происхожденіе церковнаго вѣдомства по дѣламъ о наслѣдствѣ по завѣщанію прекрасно объясняетъ Невольинъ въ своемъ сочиненіи о пространствѣ церковнаго суда въ Россіи. Составленіе духовнаго завѣщанія, говоритъ онъ, было послѣднимъ нравственнымъ дѣйствіемъ умирающаго, которое при томъ касалось самыхъ разнообразныхъ предметовъ. Умирающій дѣлалъ посредствомъ завѣщанія послѣдній расчетъ съ своими мірскими отношеніями, объявлялъ по совѣсти, кто и чѣмъ ему долженъ, кому и чѣмъ онъ самъ долженъ; принималъ мѣры для устроенія судьбы своего семейства, оставлялъ отказы въ пользу тѣхъ или другихъ лицъ, отдѣлялъ часть своего имѣнія для богоугодныхъ дѣлъ и особенно „на поминокъ своей души“. Вслѣдствіе такого нравственнаго значенія завѣщанія, при его составленіи обыкновенно присутствовалъ духовный отецъ завѣщателя, и оно получало силу только по утвержденіи его духовною властію. Естественно, поэтому, что и всѣ споры, какіе могли возникнуть по поводу духовнаго завѣщанія, рѣшались тою же, т. е. духовною властію.

Изложенныя постановленія церковныхъ уставовъ Владимира и Ярослава оставались въ полномъ дѣйствіи до времени Петра В. Мы уже знаемъ, что въ началѣ XV вѣка оба эти устава подтверждены были въ договорной грамотѣ в. к. Василя Димитріевича и м-та Кипріяна. Въ Стоглавѣ церковный уставъ Владимира приводится вполнѣ, какъ дѣйствующій и вновь подтвержденный законъ. Изъ одного

акта XVII вѣка видно даже, что церковная юрисдикція по дѣламъ гражданскимъ въ московскій періодъ не только не сѣззилась, но даже отчасти распространилась. Мы говоримъ о выпискѣ, сдѣланной для Большого московскаго собора 1667 года, о дѣлахъ, находившихся въ завѣдываніи Патріаршаго разряда. Здѣсь исчислены слѣдующія дѣла гражданскія: 1) утвержденіе духовныхъ завѣщаній и рѣшеніе споровъ о ихъ дѣйствительности, 2) дѣла о раздѣлѣ наслѣдства безъ завѣщанія, или, говоря подлинными словами акта: „аще кто праведными судами Божиими преставится, а послѣ него о раздѣлѣ животновъ быють челомъ патріарху жена и дѣти и сродники ихъ“; 3) дѣла по ряднымъ записямъ, т. е. о брачномъ сговорѣ съ назначеніемъ неустойки (то же, что *смильное* церков. устава св. Владиміра); 4) споры между мужемъ и женой о приданомъ; 5) дѣла по спорамъ о рожденіи отъ законнаго брака; 6) дѣла объ усыновленіи и о правѣ наслѣдованія усыновленныхъ; 7) дѣла о душеприкащикахъ, женящихся на вдовѣ умершаго, и 8) дѣла по челобитьямъ господъ на бѣглыхъ холоповъ, постригшихся въ монахи или вступившихъ въ бракъ съ свободными людьми. Таковъ былъ кругъ церковной юрисдикціи по дѣламъ гражданскимъ до времени Петра В. По смерти послѣдняго патріарха (Адріана), Петръ въ 1700 г. повелѣлъ всѣ судныя дѣла, бывшія въ Патріаршемъ Разрядѣ, по челобитьямъ разныхъ лицъ, отослать въ тѣ приказы, которымъ подсудны были челобитчики и въ которыхъ на будущее время вообще должны были производиться суды и расправа по такимъ дѣламъ. Въ слѣдующемъ году велѣно было дѣла о наслѣдствѣ по завѣщанію и по закону, также по ряднымъ или сговорнымъ записямъ и другія тому подобныя вѣдать, вмѣсто Патріаршаго Разряда, въ Московскомъ Судномъ Приказѣ. Эти распоряженія прямо и непосредственно касались только одной патріаршей области и были предвѣстіями предстоящаго уничтоженія самаго патріаршества. Съ учрежденіемъ въ 1721 г. Св. Синода сила вышеизложенныхъ мѣропріятій распространена была и на всѣ епархіи. Въ Дух. Регламентѣ и въ резолюціяхъ Петра на докладные пункты Синода 12 апр. 1722 г. изъ всѣхъ дѣлъ гражданскихъ, подеудныхъ прежде церкви, въ вѣдомствѣ духовнаго суда оставлены только: 1) дѣла о сомнительныхъ бра-

кахъ и въ особенности о бракахъ, заключенныхъ въ запрещенныхъ степеняхъ родства и свойства; 2) дѣла о бракахъ, совершенныхъ по принужденію со стороны родителей или помѣщиковъ; 3) дѣла о бракахъ, заключенныхъ при жизни мужа или жены и 4) дѣла о расторженіи браковъ. Короче сказать: дѣла бракоразводныя и о признаніи браковъ недѣйствительными. Въ сущности такъ же опредѣлена юрисдикція духовнаго суда по гражданскимъ дѣламъ мірянъ и въ дѣйствующемъ Уставѣ Дух. Консисторій. По этому уставу лица свѣтскаго званія подлежатъ духовному суду: а) по дѣламъ о бракахъ, совершенныхъ незаконно; б) по дѣламъ о прекращеніи и расторженіи браковъ и в) по случаямъ, въ которыхъ нужно удостовѣреніе о дѣйствительности событія браковъ и о рожденіи отъ законнаго брака (ст. 148, пун. 2, лит. а, б, в).

§ 4. История церковной компетенціи по гражданскимъ дѣламъ духовенства.—Кромѣ рассмотрѣнныхъ нами дѣлъ гражданскихъ, по которымъ лица всѣхъ состояній подсудны были церкви, вѣдомству духовнаго суда, по древнимъ церковнымъ уставамъ, предоставлены были еще всѣ гражданскія дѣла духовенства. Если обѣ тяжущіяся стороны принадлежали къ духовенству, то судъ былъ исключительно святиТЕЛЬСКІЙ. Если же отвѣтчикъ или истецъ былъ мірянинъ, то составлялся судъ „вопчій“ или смѣсанный и судныя пошлины дѣлились между обоими судьями поровну. Вотъ эти-то пошлины нерѣдко подавали поводы къ вмѣшательству свѣтской власти въ область гражданского суда церкви надъ лицами духовнаго званія. Примѣры такого вмѣшательства всего чаще повторялись въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ вѣчевое правительство вообще держало себя гораздо самостоятельнѣе относительно церковной іерархіи. Да и само здѣшнее духовенство нерѣдко предпочитало искать правосудія не у своихъ судей, а у мірскихъ. Такъ въ 1416 году новгородскій архіепископъ Симеонъ писалъ въ одинъ монастырь своей епархіи, что чернецы, выходя изъ монастыря, поднимаютъ мірскихъ судей на игумена и братію, а мірскіе судьи судятъ ихъ мірскимъ обычаемъ, именно присуждаютъ „роту“, которая запрещена духовнымъ лицамъ церковными канонами. Архіепископъ запретилъ монахамъ обращаться къ свѣтскимъ судьямъ, а послѣднимъ вступаться въ дѣла духовенства.

подъ страхомъ отлученія отъ церкви. Черезъ два года самъ митрополитъ Фотій долженъ былъ повторить это запрещеніе въ грамотѣ къ тому же монастырю. Но главная причина постоянныхъ вмѣшательствъ свѣтской власти въ эту область церковнаго суда заключалась въ недостаткахъ самой церковно-судебной организаци. Органами архіерейскаго суда по гражданскимъ дѣламъ духовенства были въ волостяхъ—*десятинники*, а въ городахъ—*святительскіе бояре*. Мздоимство и всякія неправды, чинимыя этими судьями, естественно побуждали духовенство искать себѣ правды на сторонѣ, домогаться, какъ привилегіи, суда у высшихъ княжескихъ и потомъ царскихъ судей. Такъ произошли *несудимыя грамоты*, которыми духовенство сначала княжескихъ и царскихъ вотчинъ, а потомъ черныхъ волостей освобождалось отъ подсудности своимъ епископамъ, т. е. ихъ десятиникамъ и боярамъ. Стоглавый соборъ 1551 г. въ первый разъ далъ нѣкоторую основу исключительному суду епископовъ по гражданскимъ дѣламъ духовенства. Несудимыя грамоты были отмѣнены, какъ противныя церковнымъ канонамъ, и все духовенство въ тяжбныхъ дѣлахъ между собою подчинено было суду своего епархіальнаго начальства, т. е. тѣмъ же десятиникамъ и боярамъ, но уже поставленнымъ теперь подъ болѣе строгій контроль архіереевъ и даже самого царя, которому, по соборнымъ постановленіямъ, подсудимые могли приносить жалобу на рѣшеніе архіерейскаго суда. Но иски на мірскихъ людей духовенство, по Стоглаву, должно было вчинять у царскихъ дворецкихъ, пользуясь только правомъ просить за собою „присадки“, т. е. депутатовъ, и судиться въ присутствіи десятскихъ священниковъ и земскихъ старостъ. Вѣроятно, вслѣдствіе этого самаго постановленія судъ надъ духовенствомъ по дѣламъ гражданскимъ вкорѣ совершенно перешелъ въ вѣдомство Приказа Большого Дворца. Изъ источниковъ XVII в. мы узнаемъ, что до 1625 г. духовенство патріаршихъ монастырей и церквей судилось въ названномъ Приказѣ. Въ этомъ году царь Михаилъ Феодоровичъ далъ отцу своему, патріарху Филарету, жалованную грамоту, по которой духовенство должно было судиться въ Патріаршемъ Разрядѣ не только въ тяжбахъ между собою, но и по искамъ мірянъ. Однакожъ дѣйствіе этой грамоты было весьма непродолжительно. Такъ какъ духовенство и

теперь обязано было вчинять иски на мірянахъ въ Приказѣ Большого Дворца, то это опять повело къ тому, что и міряне стали привлекать духовныхъ лицъ къ суду того же приказа. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ всѣ гражданскія дѣла духовенства перенесены были въ ново-учрежденный знаменитый *Монастырскій Приказъ*, противъ котораго энергически, но безуспѣшно протестовалъ патріархъ Никонъ. Постоянныя прерѣканія между духовною и свѣтскою властію о гражданской подсудности духовенства побудили Большой московскій соборъ 1667 года обратить свое вниманіе и на этотъ предметъ. Говоря вообще, названный соборъ подтвердилъ выше изложенныя постановленія Стоглаваго собора, но и его собственныя постановленія по этому предмету остались, можно сказать, безъ всякаго дѣйствія. Монастырскій Приказъ продолжалъ существовать на прежнемъ основаніи, и если архіереи получали теперь право судить духовенство въ тяжбныхъ дѣлахъ, то не иначе, какъ по особымъ жалованнымъ царскимъ грамотамъ, въ видѣ исключенія изъ общаго правила. Едва прошло три года по закрытіи собора, какъ патріархъ Іоасафъ, самъ принимавшій въ немъ участіе, долженъ былъ просить царя Алексѣя Михайловича о возобновленіи прежней жалованной грамоты, данной въ 1625 г. патріарху Филарету. Последняя попытка къ восстановленію церковной юрисдикціи по гражданскимъ дѣламъ духовенства въ прежнемъ ея объемѣ сдѣлана была на Московскомъ соборѣ 1677 года, но она сопровождалась только тѣмъ результатомъ, что царь Теодоръ Алексѣевичъ, указомъ 19 декабря показаннаго года, повелѣлъ закрыть ненавистный для духовныхъ іерарховъ Монастырскій Приказъ и дѣла его передать въ Приказъ Большого Дворца. Но духъ времени неуклонно велъ правительство къ совершенному упраздненію особенныхъ судовъ для гражданскихъ дѣлъ духовенства. Въ 1701 году Петръ Великій возобновилъ Монастырскій Приказъ и этою мѣрою положилъ начало окончательному уничтоженію привилегированной гражданской подсудности духовенства. Дальнѣйшимъ и послѣднимъ шагомъ Петра въ этомъ направленіи были его резолюціи на докладные пункты Синода 1722 г. Утверждая докладъ Синода о томъ, чтобы всѣ уголовныя дѣла духовенства, возбужденныя по жалобамъ *частныхъ* лицъ, вѣдались въ Синодѣ, Петръ прямо запретилъ

распространять новый законъ на *тяжебныя* дѣла, къ которымъ сами духовные себя привязали, какъ-то торговля, промыслы, откупу и тому подобное. Поводы къ гражданскимъ искамъ духовенства или противъ него были значительно сокращены синодскимъ указомъ 1743 г.: этимъ указомъ запрещено духовенству вступать въ торги, подряды или откупу, а также заниматься промыслами, или отдавать деньги въ займы подъ проценты. — Такимъ образомъ, со временъ Петра В. духовенство по гражданскимъ дѣламъ стало подсудно общимъ судамъ. По дѣйствующему уставу Дух. Консисторій лица духовнаго званія подлежатъ суду епархіальнаго начальства только по слѣдующимъ дѣламъ, имѣющимъ гражданскій характеръ: а) по взаимнымъ спорамъ, могущимъ возникнуть изъ пользованія движимою и недвижимою церковною собственностію; б) по жалобамъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ на духовныхъ лицъ въ нарушеніи безспорныхъ обязательствъ, и просьбамъ о побужденіи къ уплатѣ безспорныхъ долговъ (§ 148. 1. б. в.).

2. Церковно-криминальный судъ

(jurisdictio criminalis).

§ 5. *Обица замѣчанія о немъ.* Предписывая правила внѣшней дѣятельности для своихъ членовъ, церковь естественно имѣетъ власть наблюдать за исполненіемъ этихъ правилъ и, въ случаѣ ихъ нарушенія, принимать извѣстныя карательныя мѣры противъ нарушителей существующаго въ ней порядка. Эти карательныя мѣры состоятъ въ удаленіи преступника церковныхъ законовъ отъ пользованія всѣми или только нѣкоторыми правами и благами, которыя принадлежатъ ему, какъ члену церковнаго общества. Цѣль такого удаленія, какъ и всѣхъ вообще церковныхъ наказаній, состоитъ въ заглаженіи вины противоположными ей добрыми дѣлами и подвигами покаянія, удостоверяющими во внутреннемъ, нравственномъ исправленіи виновнаго, въ уничтоженіи въ немъ самаго корня всѣхъ преступленій—порочной и злой воли, противъ которой и направлена вся система церковныхъ наказаній. Отсюда возникаютъ слѣдующіе основные принципы криминальнаго права церкви:

1) Ни одно, даже самое крайнее, наказаніе церковное не можетъ быть исключительно *карою* преступника, т. е. воздаяніемъ зломъ за зло. Церковь должна подчинять преступную человѣческую волю закону Божію, исправлять ее, а не уничтожать, и ни въ какомъ случаѣ не должна отказываться отъ этой своей цѣли.

2) Чисто церковныя наказанія, состоя въ лишеніи преступнаго члена церкви духовныхъ правъ и благъ, находящихся въ исключительномъ ея распоряженіи, могутъ назначаться только духовною властью.

3) Карательная юрисдикція церкви можетъ распространяться только на ея дѣйствительныхъ членовъ: „внѣшнихъ судить Богъ“, сказалъ Апостолъ.

4) Понятіе церкви о преступномъ дѣяніи шире, чѣмъ какое принято въ уголовномъ правѣ. Церковь разсматриваетъ всякое преступленіе, какъ *грѣхъ*, и признаетъ грѣхомъ не только нарушеніе непосредственно-божественныхъ заповѣдей, но и cadaго человѣческаго закона, имѣющаго свое основаніе въ нравственной природѣ человѣка. Вотъ почему въ каноническомъ кодексѣ мы находимъ опредѣленія о церковныхъ наказаніяхъ за чисто-уголовныя преступленія разнаго рода: за прелюбодѣяніе, убійство, воровство, грабежъ и т. д. Такія преступленія могутъ сдѣлаться предметомъ суда церкви и послѣ уголовного суда надъ виновнымъ, и помимо этого суда, если они дѣлаются извѣстными только церкви (напримѣръ, черезъ исповѣдь) или если государственная власть сама отдаетъ преступника на судъ церкви (какъ было, напримѣръ, въ средніе вѣка въ силу извѣстнаго *jus asyli* — права преступниковъ прибѣгать подъ защиту церкви отъ угрожающаго уголовного наказанія). Но, съ другой стороны, не каждый грѣхъ есть преступленіе, а лишь такой грѣхъ, за который прямо изрекается *опредѣленное наказаніе* въ церковномъ или государственномъ законѣ и который состоитъ въ *открытомъ* нарушеніи того или другаго закона; поэтому и въ области церковно-криминальнаго права существуетъ различіе между грѣхомъ вообще и преступленіемъ въ особенности. Тѣ грѣхи, которые не суть вмѣстѣ и преступленія, т. е. состоятъ въ нарушеніи чисто нравственныхъ требованій, судятся церковью *in foro interno* — на тайномъ судѣ исповѣди, гдѣ виновный, совместно съ служителемъ

церкви, самъ является судьей своего дѣянiя передъ лицомъ Бога; напротивъ, судъ надъ преступленiемъ въ собственномъ смыслѣ церковъ дѣлитъ съ государствомъ: въ тѣхъ случаяхъ, когда нарушаются чисто церковные законы, судить церковъ, и при томъ судить *in foro externo* — открыто, формальнымъ судомъ, по извѣстнымъ процессуальнымъ правиламъ, а преступления, нарушающiя свѣтскiе или мирскiе законы, подлежатъ компетенцiи государства; но, если извѣстныя дѣйствiя признаны преступлениями и въ государственныхъ и въ церковныхъ законахъ, то о нихъ судить и церковъ и государство. Съ этихъ трехъ точекъ зрѣнiя надо различать: 1) преступления чисто церковныя (*delicta mere ecclesiastica*), 2) преступления чисто уголовныя (*delicta mere civilia*) и 3) преступления смѣшаннаго характера и, слѣдовательно, смѣшанной подсудности (*delicta mixti fori*).

§ 6. *Историческiй очеркъ криминальной церковной юрисдикцiи.* Въ первыя три столѣтiя, пока церковъ не была еще въ союзѣ съ государствомъ, она располагала лишь тѣми средствами наказанiя, которыя вытекали изъ ея природы,—именно, она отказывала своимъ преступнымъ членамъ въ благахъ религiи и даже совершенно исключала изъ общества вѣрующихъ. Въ этомъ и проявлялась данная ей Иисусомъ Христомъ власть *связывать и разрѣшать*, т. е. наказывать виновнаго и снимать съ него наказанiе. Если одинъ вѣрующiй нарушалъ право другого, то древняя церковъ руководилась правилами, изложенными въ Евангелiи: обиженный сначала долженъ былъ обличить обидчика съ глазу на глазъ, затѣмъ при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, и если обидчикъ и тутъ не сознаетъ своей вины, дѣло должно быть отдано на судъ всей церковной общины, которая можетъ подвергнуть неисправимаго, если онъ и церкви не послушаетъ, исключенiю изъ своей среды (Матѣ. гл. 15, ст. 15 — 17). Здѣсь мы видимъ уже зачатки особеннаго каноническаго процесса, который начинался съ такъ называемой *denuntiatio evangelica*, т. е. заявленiя передъ церковью о правонарушенiи, и оканчивался отлученiемъ отъ церкви въ случаѣ нераскаянности виновнаго.

Съ признанiемъ церкви въ государствѣ при Константинѣ Великомъ, кругъ ея компетенцiи по дѣламъ о преступленiяхъ значительно расширился и государство въ своей сферѣ

стало поддерживать авторитетъ суда церковнаго. Такъ, церковная анафема за ересь и расколъ стала сопровождаться невыгодными послѣдствіями и въ сферѣ государственнаго и гражданскаго права. Но такъ какъ главнѣйшія преступленія противъ вѣры и чистоты нравовъ въ христіанской греко-римской имперіи признавались преступленіями и съ точки зрѣнія уголовного права, то внѣшній судъ церкви по означеннымъ преступленіямъ мірянъ не могъ имѣть обширнаго дѣйствія. Церковь судила мірянъ только за такія преступленія, которыя дѣйствительно имѣли чисто церковный характеръ или которыя не были предусмотрѣны въ государственныхъ законахъ. Гораздо обширнѣе была компетенція церковно-криминальнаго суда по отношенію къ лицамъ духовнаго званія. Именно съ эпохи установленія союза между церковью и государствомъ, христіанскіе императоры не только признали за церковною властью право исключительнаго суда надъ клириками по преступленіямъ противъ обязанностей своего званія, опредѣленныхъ спеціальными церковными законами, но и сдѣлали значительную уступку стремленію духовной іерархіи подчинить клириковъ своему суду въ дѣлахъ уголовныхъ. Церковныя правила требовали, чтобы клирики свои уголовные иски противъ клириковъ же приносили на рѣшеніе не свѣтскихъ судей, а духовныхъ въ порядкѣ церковно-судейскихъ инстанцій (карѣ. пр. 15; халк. 8). Государственные законы допускали это сначала только по отношенію къ *легкимъ* преступленіямъ клириковъ, и притомъ безразлично, будетъ ли виновный привлеченъ къ отвѣту клирикомъ или міряниномъ. Но уже Юстиніанъ постановилъ, что судъ надъ клириками по уголовнымъ дѣламъ вообще можетъ быть начатъ и у духовнаго и свѣтскаго судьи. Епископъ, по разсмотрѣніи дѣла, произносилъ приговоръ на основаніи церковныхъ каноновъ и именно о церковномъ наказаніи, а затѣмъ препровождалъ виновнаго въ свѣтскій уголовный судъ, гдѣ опредѣлялось наказаніе уже по уголовнымъ законамъ. Если же жалоба на клирика приносилась сперва къ свѣтскому судѣ, то послѣдній, по окончаніи процесса, но еще до произнесенія приговора, долженъ былъ передать всѣ судебные акты епископу для опредѣленія мѣры церковнаго наказанія виновному. Если епископъ находилъ преступленіе недоказаннымъ или рѣшеніе

дѣла неправильнымъ, то онъ могъ остановить исполненіе приговора уголовнаго суда, и дѣло переносилось на рѣшеніе самого императора. Въ VII столѣтіи императоръ Ираклій уничтожилъ эту двойственную подсудность духовенства по дѣламъ уголовнымъ и отдалъ эти дѣла въ исключительное вѣдомство епископовъ. Если бы епископъ, по разсмотрѣніи дѣла, нашелъ, что подсудимый заслуживаетъ строжайшаго наказанія, чѣмъ какое опредѣлялось въ церковныхъ канонахъ, то онъ, епископъ, долженъ былъ, лишивши виновнаго духовнаго сана, передать его гражданскому начальству для наказанія по уголовнымъ законамъ.

§ 7. *Церковно-приминальный судъ въ Россіи.* Русская церковь, при самомъ своемъ основаніи, получила въ свое вѣдомство чрезвычайно много уголовныхъ дѣлъ разнаго рода. Одни изъ этихъ дѣлъ судились церковною властью потому, что преступленіе совершено было ближайшимъ образомъ *противъ вѣры и церкви*, другія—потому, что преступленіе стояло въ связи съ такими гражданскими дѣлами, которыя были отданы въ вѣдомство духовенства нашими старыми церковными уставами; третьи — потому, что преступленіе совершено было въ кругу лицъ, всецѣло подчиненныхъ церкви; четвертыя, наконецъ, потому, что преступленіе не каралось уголовными законами страны, т. е. не считалось преступленіемъ. Преступленія, которыя по той или другой изъ указанныхъ причинъ судимы были духовной властью, могутъ быть подведены подъ слѣдующія категоріи:

1) *Преступленія противъ вѣры и церкви.* Сюда, по церковнымъ уставамъ Владиміра и Ярослава, принадлежали: совершеніе христіанами языческихъ обрядовъ, волшебство, святотатство, нарушеніе святыни храмовъ, а церковь, руководясь греческимъ номоканономъ, причла сюда же богохульство, отступничество отъ вѣры, ересь и расколъ.

2) *Преступленія противъ общественной чистоты нравовъ:* блудъ, изнасилованіе женщинъ, противоестественные плотскіе грѣхи (содомія, скотоложство).

3) *Преступленія противъ союза семейнаго и противъ церковныхъ основаній брачнаго права:* многоженство, браки въ запрещенныхъ степеняхъ родства, кровосмѣшеніе, своевольный разводъ, жестокое обращеніе мужа съ женою или родителей съ дѣтьми и неуваженіе дѣтьми власти родителей.

4) *Нѣкоторые случаи смертоубійства*, именно—когда дѣло о немъ соприкасалось съ другими дѣлами гражданскими и уголовными, предоставленными судамъ святительскимъ, напр., если убійство совершалось въ кругу супружескаго или семейнаго союза (напримѣръ, изгнаніе плода, посягательство одного супруга на жизнь другого), или когда объектомъ его являлось лицо безправное, каковы изгои и рабы.

5) *Личныя обиды*, когда онѣ совершались въ кругу семейнаго союза или наносились способомъ особенно позорнымъ по понятіямъ того времени или состояли въ оскорбленіи женщины словомъ, обиднымъ для ея цѣломудрія, а мужчины—въ названіи его еретикомъ, волшебникомъ и т. п.

Еще обширнѣе былъ кругъ уголовной юрисдикціи церкви надъ лицами духовнаго званія. Кромѣ исчисленныхъ преступленій, духовенство подлежало вѣдѣнію духовнаго суда въ преступленіяхъ и проступкахъ противъ обязанностей своего званія и даже въ уголовныхъ преступленіяхъ, *кромя смертоубійства, разбоя и татѣбы съ поличнымъ*, хотя, впрочемъ, церковнымъ властямъ иногда предоставляемъ былъ судъ надъ духовными и по этимъ преступленіямъ. Вообще въ древнемъ русскомъ правѣ замѣтно преобладаніе принципа, по которому юрисдикція церкви опредѣлялась не столько *существомъ* самыхъ дѣлъ, сколько *сословнымъ характеромъ лицъ*: лица духовныя, какъ по преимуществу церковныя, и судились у церковной іерархіи. Причины тому понятны: съ одной стороны, свѣтская власть не имѣла ни внутренняго полномочія, ни положительныхъ основаній для суда надъ духовными лицами, виновными въ нарушеніи обязанностей своего званія, опредѣляемыхъ исключительно церковными законами; съ другой стороны, по понятіямъ того времени, считалось неприличнымъ отдавать духовныхъ пастырей на судъ мірянъ въ такихъ дѣлахъ, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ нравственность, гдѣ требуется вмѣненіе (сужденіе о нравственныхъ мотивахъ дѣянія): это представлялось оскорбленіемъ пастырскаго званія и униженіемъ достоинства церкви. Оттого то духовныя власти особенно отстаивали неприкосновенность своей юрисдикціи надъ лицами духовными именно въ уголовныхъ дѣлахъ. Въ московскомъ періодѣ исключительная подсудность духовныхъ лицъ своей іе-

рархіи была возведена въ общій законъ для земель, подвластныхъ московскимъ великимъ князьямъ. Въ Судебникахъ Ивана III и IV читаемъ: „а попа, и діакона, и чернеца, и черницу и старую вдовицу, которые питаются отъ церкви Божіей, то судить святитель“. Соборъ 1551 года по вопросу Ивана IV „о святительскихъ судахъ“, т. е. о пространствѣ церковнаго суда въ Московскомъ государствѣ, привелъ длинный рядъ источниковъ византійскаго и русскаго церковнаго права (между прочимъ цѣликомъ уставъ Владиміра) въ доказательство неприкосновенности этихъ судовъ и принялъ за правило подсудность духовныхъ лицъ „святителямъ“ во всѣхъ дѣлахъ уголовныхъ, *кромя душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ*. На этомъ же соборѣ учреждено было два разряда архіерейскихъ судовъ: одинъ для духовенства, другой для мірянъ, насколько послѣдніе были подсудны святительскому суду. Изложенныя постановленія подтверждены были Большимъ московскимъ соборомъ 1667 г. По вопросу о судѣ и наказаніи священнослужителей и лицъ монашескаго чина, „обрѣтающихся въ смертоубійствѣ, татьбѣ, денежныхъ дѣлахъ“ (поддѣлкѣ монеты) и пр., соборъ опредѣлилъ, что первоначальное осужденіе и наказаніе виновныхъ должно принадлежать церковной власти, которая, лишивъ такихъ преступниковъ духовнаго сана, предаетъ ихъ въ руки свѣтскаго суда для наказанія по законамъ уголовнымъ. Установленный соборомъ порядокъ суда надъ духовными лицами, обвиняемыми въ уголовныхъ преступленіяхъ, былъ затѣмъ утвержденъ новоуказными статьями 1669 года. Здѣсь предписано уголовнымъ сыщикамъ, чтобы они по „изыманіи“ духовныхъ лицъ, оговоренныхъ въ какомъ либо преступленіи, немедленно давали объ этомъ знать *заказчику священнаго чина*, т. е. духовному слѣдователю, который и снимаетъ допросъ, „а сыщику мірскому тѣхъ лицъ священнаго и монашескаго чину не спрашивать“. Если обвиняемый не сознавался въ своей винѣ передъ заказчикомъ, то послѣдній отсылалъ его скованнаго и подъ стражей къ епархіальному архіерею съ точною отпискою о томъ, въ чемъ онъ обвиняется. Если же сами архіереи отошлютъ преступника къ уголовному сыщику съ объявленіемъ, что съ него снять духовный санъ, то судъ производится обыкновеннымъ уголовнымъ порядкомъ. Дѣти

священнослужителей и пономари, какъ лица непосвященные, подлежатъ, по „новоуказнымъ статьямъ“, уголовному свѣтскому суду; это было уже ограниченіе устава св. Владиміра. Въ такомъ видѣ существовалъ уголовный духовный судъ до Петра В.

По учрежденіи Синода большая часть уголовныхъ дѣлъ, по которымъ лица всѣхъ вообще классовъ подсудны были прежде церкви, отнесена къ общимъ судамъ. Вѣдомство общаго церковнаго суда, т. е. такого, которому подлежали прежде какъ лица духовныя, такъ и міряне, ограничено лишь дѣлами о богохульствѣ, ереси, расколѣ, волшебствѣ, о бракахъ, заключенныхъ дѣтьми по принужденію родителей или крѣпостными по принужденію господъ и о насильственномъ постриженіи въ монашество. (Докладные пункты Синода 12 апрѣля 1722 года, п. 1—4, 15, 16). Впослѣдствіи, особенно при Екатеринѣ II, и многія изъ этихъ дѣлъ отнесены были къ вѣдомству общихъ уголовныхъ судовъ, но перемѣна подсудности этихъ дѣлъ не сопровождалась соотвѣтствующими преобразованіями матеріальнаго права. Отсюда и произошло, что въ дѣйствующемъ нашемъ уголовномъ кодексѣ принято правило о двойственной, такъ сказать, подсудности извѣстныхъ преступленій,—именно, въ Уложеніи о наказаніяхъ удержано правило подвергать за преступленія противъ вѣры, церковныхъ правилъ и общественной нравственности не только уголовному наказанію, но и церковному покаянію, виды и продолжительность котораго опредѣляются духовнымъ начальствомъ (Ул. о нак. ст. 58, прим. 1). По дѣйствующему Уставу уголов. судопроизв. къ такимъ преступленіямъ отнесены: а) преступленія противъ вѣры (ст. 1004—1010) и б) преступленія, соединенныя съ нарушеніемъ церковныхъ правилъ (1011—1016). Участіе духовнаго суда въ производствѣ дѣлъ этого рода по большей части ограничено только опредѣленіемъ мѣры церковнаго наказанія. Иногда духовному начальству принадлежитъ инициатива возбужденія дѣлъ по преступленіямъ противъ вѣры и церкви, судимыхъ теперь въ уголовномъ судѣ: такъ, въ случаѣ соврашенія изъ православія въ расколъ или ересь, духовное начальство, по дознаніи о томъ отъ причтовъ церковныхъ, требуетъ предварительнаго слѣдствія черезъ судебного слѣдователя, и ни одинъ слѣдователь не имѣетъ права

отказаться отъ исполненія этого требованія (Уст. гр. суд. ст. 1006 и 1008). Если расколъ или ересь не имѣютъ характера, по которому законъ признаетъ ихъ особенно вредными, то все дѣло о совращеніи ограничивается только тѣмъ, что совратившіеся увѣщаются и вразумляются духовнымъ начальствомъ (т. е. дѣло до уголовного суда не доходитъ). Въ случаѣ неуспѣшности этихъ увѣщаній совратившіеся не предаются уголовному суду, но въ отношеніи къ нимъ принимаются только нѣкоторыя мѣры, ограничивающія ихъ въ пользованіи правами своего состоянія, а ихъ имѣніе и малолѣтнія дѣти отдаются подъ опеку (Уст. гр. суд. ст. 1084; Улож. о нак. ст. 185 и 188). Дѣла по преступленіямъ противъ союза брачнаго относятся также къ дѣламъ смѣшанной подсудности: судъ уголовный рѣшаетъ эти дѣла на основаніи уголовныхъ законовъ, а судъ духовный на основаніи церковныхъ правилъ. Замѣчательную особенность представляетъ подсудность дѣлъ по жалобѣ одного изъ супруговъ на нарушеніе другимъ святости брака прелюбодѣянiемъ: смотря по цѣли иска, дѣла эти вѣдаются или исключительно уголовнымъ судомъ, или исключительно духовнымъ. Если оскорбленный супругъ проситъ только о наказаніи виновнаго по уголовнымъ законамъ, то дѣло подсудно уголовному суду, приговоръ котораго сообщается духовному началству для преданія виновнаго церковному покаянію (Ул. о нак. ст. 1585); если же оскорбленный супругъ проситъ о расторженіи брака, то дѣло поступаетъ въ духовный судъ (Уст. гр. суд. ст. 1016). Необходимое юридическое послѣдствіе того и другого иска состоитъ въ томъ, что кто на указанномъ основаніи началъ дѣло въ уголовномъ судѣ, тотъ теряетъ право объявить искъ въ духовномъ, и наоборотъ—кто обратился къ духовному началству съ исковою просьбою о расторженіи брака, тотъ не можетъ искать въ уголовномъ судѣ о наказаніи виновнаго по уголовнымъ законамъ.

Наконецъ, духовному суду исключительно подлежатъ еще и теперь всѣ тѣ преступленія и проступки мірянъ, за которые въ нашихъ законахъ (Ул. о нак.) опредѣлено одно только *церковное покаяніе*, а уголовного наказанія не положено. Въ Уложеніи о наказаніяхъ предусмтрѣно нѣсколько такихъ проступковъ и преступленій. Сюда относятся: 1) уклоненіе отъ исповѣди и причащенія по нерадѣнію и не-

брежности (ст. 207 и 208); 2) неисполненіе родителями обязанности приводить къ исповѣди своихъ дѣтей, достигшихъ семилѣтняго возраста (ст. 209); 3) неисполненіе новообращенными въ православную вѣру инородцами уставовъ церкви и соблюденіе ими прежнихъ иновѣрныхъ обычаевъ (ст. 207); 4) блудъ; противозаконное сожительство неженатаго съ незамужней (ст. 994, 1597); 5) случайное, т. е. не только не предумышленное, но и безъ всякой неосторожности совершенное убійство, причѣмъ и самое покаяніе, по закону, налагается не иначе, какъ по собственному желанію неумышленного убійцы (ст. 1470); 6) покушеніе на самоубійство, остановленное посторонними обстоятельствами (ст. 1473); 7) неподаніе возможной и безопасной помощи погибающему (ст. 1521); 8) лживая присяга, данная на судъ безъ намѣренія повредить подсудимому (240); 9) принужденіе родителями своихъ дѣтей ко вступленію въ бракъ или въ монашество (ст. 1586). Ясно, что ни одинъ изъ сейчасъ указанныхъ случаевъ не содержитъ въ себѣ преступленія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Государство отдаетъ ихъ на судъ церкви, конечно, потому, что въ нихъ содержится нарушеніе не уголовного, а нравственного закона. Съ другой стороны несомнѣнно, что указанные случаи далеко не обнимаютъ всего круга дѣлъ, по существу своему подлежащихъ карательному суду церкви. Эти случаи попали въ Уложеніе о наказаніяхъ по традиціямъ, какъ случайные фрагменты стараго, отжившаго права, которое дѣйствовало до временъ Петра Великаго. Но пока, однако, такіе случаи будутъ предусматриваться нашими уголовными законами, до тѣхъ поръ въ формальномъ правѣ (т. е. въ законахъ уголовного судопроизводства) необходима оговорка, что духовному суду подлежатъ тѣ преступленія и проступки, за которые въ законахъ (т. е. въ Улож. о нак.) опредѣлено только церковное покаяніе (Уставъ угол. суд. ст. 1002). Такимъ образомъ, въ этой оговоркѣ содержится только отрицательное опредѣленіе вѣдомства суда уголовного по отношенію къ суду церковному, но никакъ не прямое и точное указаніе границъ этого послѣдняго. Церковь судить и наказуетъ всѣ дѣянія своихъ членовъ, содержащія въ себѣ явное нарушеніе чисто-церковныхъ уставовъ,—вотъ общее формальное опредѣленіе того, что подсудно церкви въ силу принадлежащей ей власти

вязать и рѣшить.. Безъ сомнѣнія, то же самое хочетъ сказать и Уст. Дух. Конс. своимъ слѣдующимъ опредѣленіемъ: „Люди свѣтскаго званія подлежатъ епархіальному суду по проступкамъ и преступленіямъ, подвергающимъ виновнаго церковной епитиміи“ (ст. 148, п. 2 лит. г). Но и уставъ Духовныхъ Консистерій не исчисляетъ всѣхъ такихъ проступковъ и преступленій. Да это едвали и возможно. Проявленія злой и порочной воли, противныя церковнымъ правиламъ и уставамъ, могутъ быть разнообразны до безконечности. Поэтому разсужденію духовнаго судьи должно быть оставлено, насколько извѣстнымъ дѣяніемъ члена церкви, какъ таковаго, нарушается законъ Божій или церковный. Напримѣръ, въ церковныхъ правилахъ *прямо* не предусматривъ слѣдующій случай: нѣкто послѣ исповѣди, но до причащенія, напивается пьянъ и утромъ на слѣдующій день, со всѣми признаками похмѣлья, замѣтными и для другихъ, является въ церковь для принятія св. таинъ: тутъ нѣтъ ни уголовного преступленія, ни полицейскаго проступка, но съ точки зрѣнія церковнаго права, это есть глубокое и въ то же время *явное* оскорбленіе величайшей христіанской святыни, за которое виновный долженъ, конечно, подвергнуться заслуженному церковному наказанію.

Что касается до уголовной подсудности духовенства, то Петръ Великій, по учрежденіи Синода, повелѣлъ: о духовныхъ, взятыхъ въ *явное* злодѣяніи, производить слѣдствіе и судъ гражданскому начальству, т. е. за уголовныя преступленія подвергать ихъ отвѣтственности на общемъ основаніи, и только для снятія сана присылать ихъ въ Синодъ; духовныхъ же, *оговариваемыхъ* въ какомъ-нибудь *частномъ* преступленіи, отсылать въ Синодъ, гдѣ и судить ихъ, пока дѣло не дойдетъ до розыска; наконецъ, жалобы на духовныхъ лицъ въ брани, бою, кражѣ и тому подобныхъ дѣлахъ приносить и разсматривать въ Синодѣ (Докл. пук. 1822 г.). Въ слѣдующія царствованія духовенство болѣе и болѣе подчинялось общей уголовной подсудности. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно царствованіе Анны Ивановны. Такъ, въ противность закону Петра В., она повелѣла судить свѣтскимъ судомъ священниковъ и діаконъ, которые скажутъ за собою „слово и дѣло“ въ пьянствѣ, дракѣ или ссорѣ. Это повелѣніе мотивировано было тѣмъ, что Си-

нодѣ наказывалъ за это преступленіе, изъ уваженія къ духовному сану, не кнутомъ, а плетью. Законъ Петра былъ возстановленъ Елизаветой: въ Синодѣ возвращены дѣла по частнымъ жалобамъ на духовныхъ лицъ. Вообще въ это время духовенство больше прежняго пользовалось защитою правительства. Такъ, въ 1744 году Сенатъ воспретилъ губернаторамъ „привлекать къ себѣ на судъ духовныя персоны и чинить имъ смертельныя и ругательныя побои“. По дѣйствующему нынѣ уставу Духовныхъ Консисторій, уголовная подсудность духовенства опредѣлена слѣдующимъ образомъ: лица духовнаго званія подлежатъ суду епархіальному 1) по проступкамъ и преступленіямъ противъ должности, благочинія и благоповеденія, 2) по жалобамъ о личныхъ обидахъ (ст. 148, п. 1, лит. а и в). Затѣмъ въ судебныхъ уставахъ 20 ноября 1864 года удержано правило, что духовныя лица подлежатъ исключительно церковному суду за нарушеніе обязанностей своего званія, установленныхъ церковными правилами и другими дѣйствующими въ духовномъ вѣдомствѣ постановленіями (Уст. угол. суд. ст. 1017). Это правило, общее всѣмъ христіанскимъ законодательствамъ, основано на томъ принципѣ, что права и обязанности лицъ духовныхъ, какъ состоянія церковнаго, опредѣляются самою церковью—и только одною ею; слѣдовательно, ей же необходимо принадлежитъ и судъ по преступленіямъ лицъ этого состоянія противъ обязанностей своего званія. Далѣе, въ той же самой 1017 ст. Уст. уг. суд. оставлены въ вѣдѣніи суда духовнаго и тѣ противозаконныя дѣянія духовныхъ лицъ, за которыя въ законахъ опредѣлено подвергать ихъ отвѣтственности по усмотрѣнію духовнаго начальства. Подъ законами здѣсь, конечно, нельзя подразумѣвать ничего другого, кромѣ относящихся сюда статей Уст. Духовныхъ Консисторій. Итакъ, по дѣйствующимъ законамъ, духовныя лица подлежатъ суду своего начальства, а не уголовному: 1) по преступленіямъ противъ *благочинія* и *благоповеденія*, при чемъ, какъ справедливо разъясняетъ Неклюдовъ въ своемъ „Руководствѣ для мировыхъ судей“, имѣются въ виду случаи нарушенія духовными лицами общественной тишины и другіе подобныя проступки, предусмотрѣнные въ ст. 35—51 Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями; 2) по жалобамъ духовныхъ же и свѣтскихъ лицъ на нихъ въ *обидахъ*,

т. е. въ личныхъ оскорбленіяхъ словомъ или дѣйствиємъ. Это правило основано на томъ каноническомъ положеніи, что клирикъ, наносящій кому либо обиду словомъ или дѣйствиємъ, не только совершаетъ поступокъ, нравственно недозволенный и юридически наказуемый, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе или менѣе глубоко оскорбляетъ достоинство носимаго имъ сана (апост. 27, двукр. 9) Поэтому-то дѣла этого рода, по нашимъ законамъ, не могутъ прекращаться примиреніемъ сторонъ (Уст. Дух. Кон. 202) и не могутъ обращаться въ искъ гражданскій (т. X, ч. 2 изд. 1876 года, ст. 6 прим. 1); виновный клирикъ во всякомъ случаѣ долженъ понести наказаніе, опредѣленное въ законахъ. Но по уголовнымъ преступленіямъ духовныя лица подсудны общему уголовному суду, съ разными изъятіями изъ общихъ правилъ уголовного судопроизводства, указанными въ 1020—1029 статьяхъ устава (содержатся подъ стражей отдѣльно отъ другихъ заключенныхъ; всѣ слѣдственные акты о духовныхъ, привлекаемыхъ къ уголовному суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, предварительно посылаются прокуроромъ на разсмотрѣніе духовнаго начальства, которое сообщаетъ свое мнѣніе о виновномъ, и это мнѣніе, по требованію прокурора и защиты, можетъ быть прочитано въ судѣ и проч.).

А. Павловъ.
